

УДК 009:168.522

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ИДЕАЛЫ НАУКИ

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко

Аннотация. Постнеклассическая социология, сохраняя многие идеалы классической науки, смягчает некоторые из них в сторону активного применения качественных методов, нарратологического анализа, осознанной нарративности интерпретаций.

Ключевые слова: *классическая социология, постнеклассическая социология, идеалы науки, количественные и качественные методы, нарратив, нарратологический дискурс, биография, интерпретация.*

Как известно, развитые естественнонаучные дисциплины вступили в постнеклассическую стадию своего развития [15]. Одной из особенностей этого процесса стал пересмотр некоторых классических научных идеалов и норм [1]. Разумеется, далеко не всех, поскольку наука остается наукой и по-прежнему стремится соблюдать многие принципы классической науки: доказательность, обоснованность, выводимость, подтверждаемость и пр. Тем не менее, смягчилось жесткое понимание научной рациональности, допускаются нарративные объяснения, неколичественные методы, уникальные дескрипции, метафоричность терминов, лингвистическая фигуративность рассуждений и прочие «смягчающие обстоятельства». Смягчились требования к общезначимости знания, к типичности изучаемых объектов, к обобщающим методам. Жесткие идеалы научности позволяли классической науке формулировать законы, а, следовательно, давать строгие объяснения и надежные предсказания. Постнеклассическая наука характеризуется интересом к уникальным явлениям, нестабильным объектам, необратимости их изменений, случайности и непредсказуемости поведения. Во многом это стимулировалось распространением синергетических идей [14]. Так, идея «стрелы времени», т.е. необратимости не только социальных, но и природных процессов, потребовала пересмотра классических представлений о законах природы, поскольку они исходили из симметричного во времени мира, не различая прошлого и будущего, из-за чего «классические» законы почти невозможно было обнаружить в социокультурных процессах. Кроме того, стало ясно, что в далеких от равновесия системах флуктуации нарастают лавинообразно, и невозможно однозначно предсказать траекторию объектов и будущие состояния систем. Даже если удается определить тенденцию, не факт, что в любой момент она не сменится на противоположную [13]

Есть основания говорить также и о постнеклассическом периоде в развитии гуманитарных и социальных наук, поскольку подобные феномены там имеют место. Например, в исторических дисциплинах вместо поиска

исторических типичностей и закономерностей все чаще исследуют уникальные события, которые не могут быть типизированы и которые были бы искажены в процессе обобщения или количественной формализации. Особенно это характерно для микроистории [5]. Успех книги К. Гинзбурга «Сыр и черви» – явная демонстрация торжества постнеклассических научных идеалов в гуманитарной сфере [6]. Не осталась в стороне от описанных процессов и социология.

Разумеется, на переход к постнеклассическому этапу науки вообще и социогуманитарных наук, в частности, повлияли не только собственно научные тенденции, но также и культурная и философская ситуация, называемая обычно постмодерном [12]. Формированию постнеклассической социологии способствовали многие постмодернистские идеи [10, с. 263]. Особое значение имели: ценностное оправдание демассификации и дестандартизации производства и самой жизни, фиксация плюралистичности общества, обоснование невозможности и неуместности социального прогноза вследствие неопределенности общественного процесса и необратимости событий, подчеркивание роли единичного и уникального, взамен массовости и типичности, и, конечно же, нарративный поворот в социально-гуманитарной мысли, нашедший свою несколько преувеличенную констатацию у Ф. Лиотара о замене научных теорий нарративами [11].

В свое время для классической социологии были характерны типичные классические идеалы научности, особенно строгие методы исследования, количественная обработка и анализ большого объема информации, выдвижение гипотез с последующим подтверждением или опровержением, стремление объяснять, а не просто описывать явления, установление закономерных взаимосвязей между отдельными характеристиками социальных феноменов ради формулировки теоретических моделей и обобщенного прогноза. Определяющими были позитивистские установки: четкая фиксация эмпирических данных и запрет на истолкование эмпирического материала, поскольку оно якобы неминуемо перемещает ученого в область субъективного философствования. Отсюда следовала ориентация социологических теорий на поиск законов как отличительного признака науки, что подчеркивал основоположник социологии О. Конт [9, с. 78-79]. Основой достоверного научного знания в социологии считались при этом математико-статистические методы и формализованные процедуры. Неклассическая (понимающая) социология, хотя и осознала ограниченность формализованных процедур и ввела в социологию процедуру понимания, все же не ставила под сомнение основные идеалы научности, а многие методологи даже пытались формализовать процедуру понимания по типу формализации научного объяснения [4].

Дальнейшее развертывание общенаучных тенденций и эволюция самой социологии, ознаменовавшие переход к постнеклассической стадии, вызвали изменения именно в классических ориентирах, идеалах и нормах науки. Существенно, что подверглись сомнению считавшиеся незыблемыми

представления о приоритете количественных методов. Главный недостаток количественных методов стали усматривать в том, что они могут измерять лишь общие характеристики, которые подразумеваются типическими. Кроме того, поскольку собранная информация нередко быстро устаревает, количественные методы сбора и анализа информации дают поверхностный срез, не затрагивая, например, глубинных слоев общественного сознания, следствием чего становятся упрощенные представления об изучаемом объекте, неудачные прогнозы, ошибочные выводы [7, с. 8].

Разумеется, количественные методы не могут быть отвергнуты полностью. Но современная социология часто делает ставку на так называемые свободные, неструктурированные, интерпретативные, качественные способы сбора данных и их обработки. Некоторые авторы стараются даже не применять к подобным теориям слово «метод», заменяя его более общим понятием похода, стратегии, исследовательских практик, предпочитая говорить о методологиях как совокупности установок, а не последовательности действий. Именно эти термины лучше характеризуют качественное исследование как особый тип социологического исследования, кардинально отличающийся от классического «количественного» не только сбором и анализом первичной информации, но и методологическими основаниями [8, с. 6]. К результатам качественного исследования, поскольку оно является научным, предъявляются те же критерии внутренней непротиворечивости, логической связности и прочие научные требования, как и к результатам классического исследования. Поэтому качественные исследования дают вполне приемлемые в научном смысле результаты. Впрочем, без последовательности действий, именуемых методами, даже в этом случае не обойтись. Но акцент делается на другом. Целевой задачей является понимание смыслов поступков или высказываний изучаемых людей.

Исходной философско-методологической установкой качественных подходов является отказ от представлений об объективном или нейтральном наблюдателе, якобы не влияющем на предмет наблюдения. Заранее предполагается, что исследователь имеет свою субъективную позицию, которую необходимо принимать в расчет. Кроме того, исследование ориентируется, прежде всего, на изучение индивидуального аспекта социальной деятельности или общественного сознания, а именно реального опыта жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Но сквозь призму индивидуального могут прослеживаться и более широкие социальные проблемы, касающиеся социальных групп, движений, социальных институтов в конкретной социальной ситуации. Дополнительными источниками информации могут служить и количественные данные, в частности, статистика, но их анализ также будет осуществлен на основе аналитического подхода. В зависимости от целей исследования может быть и наоборот: качественные исследования будут дополнительным источником данных для количественных методов. В этом плане количественные и качественные подходы не следует противопоставлять, они скорее дополнительные.

Акцент на индивидуальное в качественных социальных исследованиях проявляется и в отношении к эмпирическому материалу. Это в первую очередь

неструктурированные свидетельства, отобранные из разнообразных документов: тексты интервью и наблюдений, личные и официальные документы, фотографии, видеоисточники и др. Первичными являются данные о субъективных мнениях людей, выраженные чаще всего пространственными высказываниями, реже – жестами, символами, отражающими их взгляды. Именно с этим связан постнеклассический этап развития социологии как поворот от общих и усредненных закономерностей к индивидуализации социологического знания и переориентации на локальные культурные и этнические проблемы, к подлинной гуманизации социологии. Возможно, данная позиция – такая же крайность, как и апелляция исключительно к количественным методам как к якобы единственно научным, однако она есть отражение реального изменения общенаучных и собственно социологических теоретических идеалов.

По сравнению с количественными подходами качественные исследования отличаются следующими характерными чертами. Во-первых, изучаемые процессы и явления, как и их значения, не строго измеряются, или не измеряются вообще с точки зрения количества, интенсивности или частоты. Во-вторых, явления изучаются в их естественном окружении. В-третьих, интерпретируются с точки зрения тех значений, которыми наделяют их участвующие в исследовании индивиды, а не с позиций якобы отстраненного и незаинтересованного наблюдателя. Например, в ответе на вопрос: «Как вам понравилась книга?» – мы получаем ответ, означающий субъективное ценностное отношение, характерное для индивида, в его собственных словах, исходя из его социального опыта, знаний, системы ценностей. Такие данные анализируются не математически, а путем аналитического раскрытия их смысла с применением разнообразных техник, начиная от описания и комментирования и кончая кодировками как особым соединением данных для построения теории, и категоризациями как концептуальными уточнениями [16, с. 118]. В-четвертых, отчеты составляются в повествовательном жанре и различаются в зависимости от целей исследования и адресата, которому они предназначены: для широкой публики, для коллег по «цеху», для научной публикации или дискуссии. Такой отчет вместо объективированного наукообразного, якобы объективного и незаинтересованного представления объекта, являет собой живое повествование, типичный нарратив, с большим количеством цитат из устной или письменной речи исследуемых, с интерпретациями, размышлениями, теоретизированием исследователя о данном социальном объекте. Подобная нарративизация социологических отчетов есть свидетельство общего нарративного поворота, характерного для постнеклассической науки. Вообще, как отмечают исследователи [17; 18] нарративные структуры все чаще обнаруживают себя в социологических дискурсах, что, в свою очередь требует соответствующей методологической подготовки социологов.

Последнее важно еще и в том смысле, что современный социолог не может оставаться в иллюзорной роли интерпретатора извне, ведь его включенность в исследование, а также современное, научное, социальное положение обуславливает те смыслы, которые он извлекает из нарративов исследуемых

людей: «изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события» [19, с. 44]. В таких случаях учет функциональных характеристик нарратива может иметь решающее значение для успешного социологического исследования, в частности, учет конституирующей функции нарратива, особенно если изучаются дневники, автобиографии и другие подобные документы. Ведь автор документа фактически конструирует реальность в своих записях.

Автобиографии писателей, ученых, и вообще исторических, социальных и культурных деятелей являются предметом изучения в различных дисциплинах, в том числе и социологии. Важнейшей проблемой является выяснение механизмов превращения тех или иных индивидуальных, случайных биографических фактов в общезначимый и как кажется закономерный культурный результат. Но автобиографии чаще всего как раз и пишутся с оглядкой на данный результат. То есть, автор в своей жизни отыскивает данные, которые, якобы можно рассматривать как толчок, условие или даже причину научного открытия или гениального романа, а нередко вся жизнь описывается так, словно она закономерно ведет к указанному достижению как цели. В советские времена будущим ботаникам и биологам много рассказывали о воспоминаниях Мичурина про свое детство, когда его карманы были вечно наполнены различными семенами, что якобы способствовало формированию великого селекционера. А автобиографии многих ученых укладывались в рубрику «вся жизнь – научный подвиг».

В подобных случаях индивидуальная жизнь как единый и целостный феномен не распадается на бесконечное множество самостоятельных, независимых и несвязанных события и явлений, а представляется с помощью автобиографического нарратива, выстраивающего четкую сюжетную линию. В частности, в биографии любой факт понимается путем указания на его значение, вытекающее из последовавших за ним других событий, результатов, последствий. Автобиографические нарративы на первый взгляд описывают и объясняют реальные жизненные ситуации. Но в то же время и в первую очередь они конструируют саму жизнь. Она приобретает тот смысл, который задан данной формой автобиографии, той последовательностью, которую выбрал автор и которая соответствующим образом увязала факты, например, как восхождение к некоторой цели. «За кадром» осталось бесконечное число событий и их связей, которые могли быть увязаны другими нарративами, выстроив тем самым иные жизни. Более того, автобиографический нарратив не только объясняет прошедшие события, конструируя связное целое, он и во многом предопределяет последующее поведение людей, «продлевая» смыслы, придавая завершенность жизненным этапам, стимулируя усилия на достижение определенных целей, заданных, например, прогрессистским нарративом. Аналогичную функцию выполняет и нарратив общественного прогресса как «автобиография» страны, народа, человечества: происходящие изменения объясняются как прогрессивный

рост и развитие, а существующие лишения трактуются как переходящие на пути к счастливому будущему. Ту же функцию, но с обратным знаком, выполняет регрессистский нарратив. Так индивидуальная или социальная реальность в соответствующие временные отрезки принимает ту нарративную форму, которая оказывается более подходящей для автора. Одни и те же события предстают в разном свете в зависимости от ценностных приоритетов нарратора. Подсчитано, что собственно смысловую нагрузку несет около 20% любого текста, а все остальное выполняет совсем другие функции [3, с. 96]. Отобрать нужное социологу не так просто. Ситуация усложняется тем, что прошлое – всегда избирательная реконструкция, из которой люди стремятся исключить тот опыт, который не согласуется с утверждаемой ими сегодня идентичностью. Более того, отделить факт от вымысла весьма сложно, так как само представление факта предполагает определенную интерпретативную работу, деконструкцию, переконструирование нарративов.

Для составления социологических отчетов в нарративном ключе, как и в целом для всего исследования, требуется не просто высокий профессионализм, но и особая «теоретическая чувствительность» как совокупность требований к исследователю [16, с. 118, 35]. «Теоретическая чувствительность» подразумевает осознание тонких различий значения данных, адекватность исследовательской ситуации, пронизательность, способность при осмыслении данных понимать и отделять подходящее от того, что таковым не является [16, с. 118, 35]. Иными словами, она подразумевает не только то, чему можно научить, не только умения и навыки, но и талант, вдохновение, интуицию, литературный дар и другие субъективные, малорационализируемые качества исследователя.

Качественные способы исследования активно применяются для изучения индивидуального аспекта социального бытия. Как процесс разработки отдельной проблемы они предполагают не только наличие особых данных в виде личных документов и текстовых материалов с оценочными высказываниями людей, но и специфические приемы их сбора, обработки и анализа, включающие теоретизирование и интерпретации исследователя, а также требования к исследователю, его опыту, навыкам, концептуальной гибкости, способностям и талантам.

Противники качественных подходов справедливо усматривают элементы субъективизма и произвольности в рассуждениях исследователя по поводу различного рода текстов и личных документов и, как следствие, неоднозначность и необоснованность интерпретаций [2, с. 4]. С этим следует согласиться, но ведь это общая тенденция постнеклассической науки. Задача, следовательно, должна состоять в осмыслении границ допустимости ослабления классических жестких критериев научности.

В качестве вывода отметим, что постнеклассическая социология не порывает с идеалами научности, они лишь несколько видоизменяются в сторону активного применения качественных методов, нарратологического анализа, осознанной нарративности интерпретаций, что требует в целом более высокого уровня теоретической и методологической подготовки ученого-социолога.

Список литературы:

1. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: монография. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.
2. Божков О. Б. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия? // Социологические исследования. – 2004. – №9. – С. 3-5.
3. Воробьева А.В. Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. – 1999. – №3/4. С.90-99
4. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – 595 с.
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. – С. 207–236.
6. **Гинзбург К.** Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.– М.: РОССПЭН, 2000. – 272 с.
7. Гришина А. Е. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия? // Соц. исслед. – 2004. – №9. – С. 8-10.
8. Готлиб А. С. Количественный и качественный анализ: органическое единство или автономия? // Социологические исследования. – 2004. – №9. – С. 6-8.
9. Конт О. Дух позитивной философии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 256 с.
10. Курбатов В.И. Современная западная социология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 416 с.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: ИЭС, СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
12. Нарижный Юрий. Социология и политология эпохи постмодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=1725>
13. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени. – М.: Прогресс, 1994. – 259 с.
14. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 536 с.
15. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
16. Страусс А. Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
17. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2004. – №6-7. – С. 56-74.
18. Троцук И.В. Нарративы в социологической теории и практике // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. - 2007. - № 3. - С. 16-23.
19. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. – 1997. – №3. – С. 38-61

Афанасьев А.И., Василенко І.Л.

ПОСТНЕКЛАСИЧНА СОЦІОЛОГІЯ І ІДЕАЛИ НАУКИ.

Постнекласична соціологія, зберігаючи багато ідеалів класичної науки, пом'якшує деякі з них в сторону активного застосування якісних методів, нарратологічного аналізу, усвідомленої нарративності інтерпретацій.

Ключові слова: класична соціологія, постнекласична соціологія, ідеали науки, кількісні та якісні методи, нарратив, нарратологічний дискурс, біографія,

інтерпретація.

Afanasyev A. Vasilenko I.

POSTNONCLASSICAL SOCIOLOGY AND IDEALS OF SCIENCE.

For classical sociology were characteristic of the typical classical ideals of science, rigorous research methods, quantitative processing of large amounts of information, hypotheses, followed by a confirmation or denial of, the establishment of regular relationships for the formulation of theoretical models and generalized forecast. Decisive were positivist installation: a clear fixation of empirical data and search laws as a distinctive feature of science. Based on reliable scientific knowledge in sociology considered with mathematical-statistical methods and formalized procedures. The non-classical (understand) Sociology realized the limitations of formalized procedures and introduced a sociology understanding of the procedure, but did not question the basic ideals of scientific character. Go to postnonclassical stage caused changes it in the classical ideals and norms of science. Questioned the priority of quantitative methods. They can only measure the common, typical characteristics that provide a simplified representation of the object.

Modern sociology relies on the so-called free, unstructured, interpretive, qualitative methods of data collection and processing. Target is to understand the meanings of actions or statements of people studied. It is necessary to take into account the subjective position of the researcher. Postnonclassical sociology, retaining many ideals of classical science, mitigates some of them towards the active use of qualitative methods, narratologic analysis, conscious narrative interpretation.

Keywords: classical sociology, postnonclassical sociology, ideals of science, quantitative and qualitative methods, narrative, narratologic discourse, biography, interpretation.

References

1. Afanasyev A.I. (2013) Gumanitarnoe znanie i gumanitarnyye nauki: monografiya [Humanitarian knowledge and the science of humanities: a monograph]. Odessa, Bahva, 288 p.
2. Bozhkov O. B. (2004) Kolichestvennyy i kachestvennyy analiz: organicheskoe edinstvo ili avtonomiya? [quantitative and qualitative analysis: organic unity or autonomy?] // Sotsiologicheskie issledovaniya, №9. – P. 3-5.
3. Vorobeva A.V. (1999) Tekst ili realnost: poststrukturalizm v sotsiologii znaniya [Text or reality: post-structuralism in sociology of knowledge] // Sotsiologicheskiy zhurnal, №3/4, P.90-99
4. Vright G. H. fon. (1986) Logiko-filosofskie issledovaniya [Logical and philosophical studies]. Moscow, Progress, 595 p.
5. Ginzburg K. (1996) Mikroistoriya: dve-tri veschi, kotorye ya o ney znayu [microhistory: two or three things I know about her] // Sovremennyye metodyi prepodavaniya noveyshey istorii, Moscow, IVI RAN, P. 207–236.
6. Ginzburg K. (2000) Syir i chervi. Kartina mira odnogo melnika, zhivshego v XVI v [Cheese and worms. The world picture of a miller who lived in the XVI century], Moscow, ROSSPEN, 272 p.
7. Grishina A. E. (2004) Kolichestvennyy i kachestvennyy analiz: organicheskoe edinstvo ili avtonomiya? [quantitative and qualitative analysis: organic unity or autonomy?] // Sotsiologicheskie issledovaniya, №9, P. 8-10.

8. Gotlib A. S. (2004) *Kolichestvennyiy i kachestvennyiy analiz: organicheskoe edinstvo ili avtonomiya?* [Quantitative and qualitative analysis: organic unity or autonomy?] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, №9, P. 6-8.
9. Kont O. (2003) *Duh pozitivnoy filosofii* [spirit of positive philosophy], Rostov-na-Donu, Feniks, 256 p.
10. Kurbatov V.I. (2001) *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya* [Modern Western sociology]. Rostov-na-Donu, Feniks, 416 p.
11. Liotar Zh.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern condition]. Moscow, IES, SPb., Aleteyya, 160 p.
12. Narizhnyiy Yuriy. *Sotsiologiya i politologiya epohi postmoderna* [Sociology and Political Science postmodern], available at: <http://postmodern.in.ua/?p=1725>
13. Prigozhin I., Stengers I. (1994) *Vremya, haos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quantum: the solution of the paradox of time]. Moscow, Progress, 259 p.
14. *Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podhodov.* (2000) [Synergistic Paradigm. A variety of searches and approaches], Moscow, Progress-Traditsiya, 536 p.
15. Stepin V. S. (2006) *Filosofiya nauki. Obschie problemy: uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk* [Philosophy of Science. Common problems: a textbook for graduate students and candidates for a degree of Candidate of Sciences], Moscow, Gardariki, 384 p.
16. Strausc A. Korbin Dzh. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tehniki* [Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques], Moscow, Editorial URSS, 256 p.
17. Trotsuk I.V. (2004) *Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskiy konstrukt v sovremennykh sotsialnykh naukah* [Narrative as an interdisciplinary methodological construct modern social sciences] // *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya*, №6-7, P. 56-74.
18. Trotsuk I.V. (2007) *Narrativy v sotsiologicheskoy teorii i praktike* [Narratives in sociological theory and practice] // *Observatoriya kultury: zhurnal-obozrenie*, № 3, P. 16-23.
19. Yarskaya-Smirnova E. R. (1997) *Narrativnyiy analiz v sotsiologii* [Narrative analysis in sociology] // *Sotsiologicheskiy zhurnal*, №3, P. 38-61